

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 243–249

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 243–249

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-243-249>, EDN: TIDGDQ

Научная статья

УДК 332.135:327:005.44

Основные теоретические подходы к проблемам современной регионализации и ее динамика в условиях конфликтной международной среды

Д. С. Алексеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алексеев Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, alexeyevds@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2447-042>, AuthorID: 257361

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции теоретических подходов к объяснению современных интеграционных тенденций в различных регионах мира. Автор постарался раскрыть логику эволюции различных теоретических школ и подходов в привязке к изменяющимся реалиям международной среды. Автору удается представить оригинальный взгляд на проблемы теории регионализации, выделить отдельные аспекты ее современной трансформации. Особый интерес вызывает попытка осмысливать процессы региональной интеграции в условиях современных международных отношений, когда формируется достаточно выраженный конфликтный потенциал в различных регионах мира. В статье подробно изложено мнение автора о том, как эти тенденции будут сказываться на эволюции теоретических подходов к интеграционным процессам в современной науке.

Ключевые слова: Регионализация, международная интеграция, глобализация, мировой порядок, региональный конфликт

Для цитирования: Алексеев Д. С. Основные теоретические подходы к проблемам современной регионализации и ее динамика в условиях конфликтной международной среды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 243–249. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-243-249>, EDN: TIDGDQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main theoretical approaches to the problems of modern regionalization and its dynamics in the context of a conflictual international environment

D. S. Alekseev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis S. Alekseev, alexeyevds@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2447-042>, AuthorID: 257361

Abstract. The article presents the process of evolution of theoretical approaches to explaining modern integration trends in various regions of the world. The author tried to reveal the logic of the evolution of various theoretical schools and approaches in relation to the changing realities of the international environment. The author manages to present an original view on the problems of the theory of regionalization, to present individual aspects of its modern transformation. Of particular interest is an attempt to comprehend the processes of regional integration in the context of modern international relations, when a serious conflict potential is formed in various regions of the world. The article offers the author's original view on how these trends will affect the evolution of theoretical approaches to integration processes in a modern scholarly discourse.

Keywords: regionalization, international integration, globalization, world order, regional conflict

For citation: Alekseev D. S. Main theoretical approaches to the problems of modern regionalization and its dynamics in the context of a conflictual international environment. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 243–249 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-2-243-249>, EDN: TIDGDQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процессы регионализации в современных международных отношениях играют все более заметную роль и постоянно набирают темп. В настоящее время трудно найти регион, в котором не действовала бы одна или одновре-

менно несколько организаций, объединяющих заинтересованные страны в те или иные интеграционные конструкции. Первая четверть XXI в. продемонстрировала одновременно две тенденции – как усиление процессов регионализации,

так и в отдельных случаях центробежные тенденции. В данной работе мы исходим из гипотезы, что на интенсивность этих тенденций влияют в первую очередь внешние международные процессы и конфликтная или, напротив, кооперационная среда межгосударственных отношений, в которой они реализуются.

В современной науке о международных отношениях региональная интеграция и регионализация – процессы относительно новые, характерные для второй половины XX в. Хотя, в ограниченном понимании этих явлений, и в более ранней истории мы можем рассматривать региональную интеграцию в виде различного рода союзов, пактов, двусторонних и многосторонних экономических договоров, которые заключали между собой государства в XIX в. и даже ранее. Изучение феномена регионализации в первую очередь связывают с общими теориями интеграции, а также самого понятия регион. Одним из наиболее кратких определений региона дает Дж. Най: «Регион – это ограниченное количество государств, связанных географически и имеющих определенную степень взаимозависимости» [1, р. VII]. Известный российский политолог А. Д. Воскресенский считает, что под регионом следует понимать определенную территорию, представляющую собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, объединенный и связанный целым рядом условий: географических, природных, экономических, социально-исторических и национально-культурных [2, с. 46]. Кроме того, в современной науке принято разделять понятия регионализация и регионализм. Под регионализацией прежде всего понимаются процессы углубления экономического и связанного с ним правового взаимодействия между государствами в регионе. Регионализм, как правило, связывают с политикой государств отдельного региона, направленной на укрепление многостороннего сотрудничества в различных областях.

Долгие дебаты по определению границ, обозначающих тот или иной регион, используя географические, цивилизационные, исторические, экономические и социокультурные факторы, в конечном счете не дали конкретного ответа на поставленный вопрос. Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что границы регионов варьируются в зависимости от той или иной проблемы или предмета исследований и анализа (конкретные региональные объединения, проблемы региональной безопасности, экология и др.). К примеру, представители копенгагенской школы международных отношений Б. Бузан и О. Вэвер в своих работах отстаивают идею объединения регионов по принципу наличия общих угроз безопасности, выделяя при этом «региональные комплексы безопасности», динамика взаимоотношений внутри которых зависит от целого ряда факторов, связанных с вызовами

и угрозами, имеющими преимущественно региональную природу и оказывающими влияние на политику и поведение стран в рамках той или иной географической среды [3].

В международных отношениях принято также выделять три уровня анализа региональных процессов: макрорегиональный, который включает большие географические пространства (Африка, Южная Америка и т. д.), мезорегиональный или субрегиональный, связанный с регионами меньшего масштаба и интегрированными в макрорегион (Европа, Юго-Восточная Азия, Центральная Азия, Южный и Северный Кавказ и т. д.) и микрорегиональный, относящийся, как правило, к небольшим территориально-географическим единицам в рамках одного или нескольких сопредельных государств. Тем не менее дискуссии о конкретных критериях регионального деления мира не окончены и по сей день. Более того, некоторые регионы имеют названия и контуры, созданные исключительно в политических или geopolитических целях, и имеют весьма условные или даже умозрительные границы, например, Большой Ближний Восток (включающий в себя ряд стран Ближнего и Среднего Востока), Большая Центральная Азия (включающая регион Центральной Азии и Афганистан), Ближний Восток и Северная Африка (MENA Region, – определение, появившееся в результате анализа политических процессов, обозначаемых как «Арабская весна» 2010-х гг.).

Изучение процессов региональной интеграции первоначально рассматривалось с точки зрения теории федерализма, получившей распространение еще в XVIII в. в трудах европейских и американских философов и политических деятелей. В частности, философские эссе «Записки Федералиста» Александра Гамильтонса и Джеймса Мэдисона, обосновывавшие преимущества федеративного устройства в США, стали одними из первых работ, положивших начало теории федерализма в научном дискурсе. Позднее именно эта теория легла в основу концепции европейской интеграции в середине XX в. и нашла свое выражение в концепциях Жана Моннэ и его последователей [4]. Федерализация Европы, хотя и не сразу, но достаточно уверенно прошла свое становление и реализацию в последней трети XX в., что открыло пространство к попыткам мультиплексии европейского опыта. В основу концепции регионализации в рамках федерализма легли представления о добровольном делегировании полномочий на наднациональный уровень, который позволит государствам более эффективно решать стоящие перед ними задачи. Этому, как считалось, будут способствовать процессы формирования институтов и законодательных рамок, которые смогут стать фундаментом для дальнейшего сближения в сфере экономики, политики и финансов. Не в последнюю очередь процессы федерализации, на примере ЕС,

должны были бы снять разногласия и трения в сфере безопасности, постепенно нивелируя противоречия между участниками интеграционных процессов.

Позднее теоретические подходы к процессам региональной интеграции начинают эволюционировать в сторону функционального подхода и в большей степени ориентироваться на функционализм как объяснение интеграционных процессов, происходящих в Западной Европе после окончания Второй мировой войны. С точки зрения теории функционализма, трансграничное сотрудничество, оформленное в определенные институциональные рамки, направлено на решение общих задач и достижение взаимовыгодных результатов. Именно общие интересы (в первую очередь экономические) могут определить степень и глубину трансграничного взаимодействия между государствами региона. По утверждению одного из основоположников функционального подхода Дэвида Митрани, у государств существует так называемый «индекс общих интересов», достижение которых в определенный момент может потребовать централизованного надгосударственного управления этим процессом, другими словами, создания надгосударственных механизмов и организаций, направленных на решение конкретных задач [5, р. 356].

Функционализм в последней трети XX в. развивал теоретические идеи сторонников федерализации, считавшиеся до этого времени едва ли не единственной формой пространственной организации относительно независимых субъектов в рамках единой государственной структуры или надгосударственного объединения.

Позднее идеи функционалистов были переработаны и дополнены, что вылилось в теорию неофункционализма. Согласно неофункциональному подходу, наиболее известным выразителем которого стал профессор Калифорнийского университета в Беркли Эрнст Хаас, в процессе решения государствами общих задач постепенно создается «эффект перетекания» (spillover effect), который вовлекает в процесс интеграции более широкие экономические отрасли хозяйства, политические институты и даже различные социальные группы. Таким образом экономическая интеграция в одной отрасли постепенно требует углубления взаимодействия во второй и третьей, а со временем постепенно дополняется элементами политической интеграции, которые становятся необходимым атрибутом объединения независимых государств региона. Эффект перетекания, таким образом, указывает, что, помимо экономических мотивов интеграции, постепенно появляется и целый ряд других, которые имеют общественный характер, такие как безопасность, общие социальные и идеологические проблемы, задачи культурного и гуманитарного характера [6, р. 377–379]. Э. Хаас и другие сторонники неофункционализма делят процесс интеграции

на три взаимосвязанных составляющих: институциональный (политический), функциональный (экономический) и общественный (интересы социальных групп).

В последние годы в теории международных отношений появилось течение, которое принято называть «постфункционалистским». Постфункционалисты делают упор на то, что линейное объяснение регионализации «эффектом перетекания», который продвигают неофункционалисты, далеко не полностью раскрывает механизмы современной регионализации. Теория постфункционализма активно разрабатывается политологом Лизбет Хуге и ее коллегами, такими как Гэри Маркс, и используется для объяснения того, как идентичность, ценности и общественное мнение формируют развитие региональных организаций. Постфункционалисты подчеркивают возрастающее значение для региональной интеграции или дезинтеграции таких категорий, как национализм и идентичность, общественного мнения и возрастающей роли политических элит. Постфункционализм широко применялся для понимания проблем Европейского союза, таких как Brexit, рост популистских партий и растущий скептицизм в отношении наднациональных институтов по всей Европе. Он предоставляет основу для анализа того, как наднациональное сотрудничество сталкивается с сильными национальными идентичностями и общественным скептицизмом. Постфункционализм, таким образом, знаменует собой отход от более ранних теорий, которые предполагали, что интеграция является в значительной степени технократическим процессом, который постоянно развивается в сторону углубления и расширения межгосударственных связей [7].

В середине XX в. большое распространение приобретает системный подход к объяснению процессов регионализации, который определяет международные отношения как систему взаимосвязанных элементов. Данная теория связана с именем Мортона Каплана, который вводит такое понятие, как региональная подсистема международных отношений. В данном случае регион воспринимается как относительно самостоятельная единица, включенная в международный процесс системного взаимодействия [8]. Каплан выделяет несколько типов международных систем, таких как баланс сил, биполярные и иерархические системы, которые описывают положение и поведение государств на мировой арене. Регионализация, согласно теории Каплана, формируется под влиянием более широкой глобальной динамики, где взаимодействия государств формируют подсистемы (часто региональные альянсы или блоки) в рамках более крупной системы. Теория Каплана рассматривает регионы как подсистемы в рамках более крупной международной системы. Эти подсистемы или региональные блоки, такие как НАТО или

Варшавский договор, функционируют полуавтономно, но находятся под влиянием глобальной динамики, в частности, действий сверхдержав в bipolarной системе (например, США и СССР во время холодной войны). Эти региональные группировки возникают для баланса сил, повышения безопасности или продвижения экономических интересов своих участников.

В рамках системной теории международных отношений М. Каплан сосредоточился на том, как различные системы поддерживают стабильность и равновесие. По его мнению, взаимодействия внутри региона (подсистемы) должны соответствовать более широкой международной системе, чтобы избежать конфликта. Например, в bipolarном мире региональная стабильность может зависеть от соответствия одной из двух сверхдержав, что приводит к самоорганизации регионов с целью избежать масштабного глобального давления.

Регионализация часто следует определенным правилам о членстве, сотрудничестве и разрешении конфликтов, которые помогают стабилизировать отношения внутри подсистемы и поддерживать общий порядок. По мнению Каплана, системы, включая региональные подсистемы, функционируют посредством циклов обратной связи. Действия внутри региона могут влиять на более крупную систему, а глобальные события могут давать обратную связь, формируя региональную динамику. Например, региональный конфликт может повлиять на стабильность глобальной системы, что приведет к реакциям, которые изменят подсистему (например, миротворческие интервенции или экономические санкции).

Системная теория Каплана подчеркивает, как региональные подсистемы адаптируются к давлению окружающей среды, такому как экономические кризисы или угрозы безопасности. Таким образом, региональную интеграцию можно рассматривать как форму адаптации, когда государства более тесно сотрудничают в ответ на внешние угрозы или возможности. Однако позднее теоретические подходы Каплана были подвергнуты критике сторонниками теории рационального выбора Чикагской школы, что стало большим вызовом и для системного подхода к процессам регионализации [9, с. 33–34].

Альтернативным объяснением процессов регионализации в современном мире стала теория коммуникации, которую предложил американский исследователь Карл Дойч и ряд его последователей. Согласно теории коммуникации, формирование региональных объединений складывается благодаря определенным историческим, географическим и социально-экономическим условиям, способствующим интенсивному взаимодействию. Данное взаимодействие (коммуникация) происходит посредством транспортных артерий между государствами одного

региона благодаря наличию общих внешних угроз и соперников, а также находится под влиянием взаимных культурных, языковых и религиозных связей. Все это постепенно формирует определенную общность (зону коммуникации), зону предсказуемости, которая трансформируется в самостоятельное региональное объединение, где будет формироваться коллективная идентичность, общая среда безопасности и взаимодействия [10, р. 41–49].

В последние три десятилетия набирает силу новое теоретическое направление, которое разрабатывают ученые политологи, социологи и экономисты, получившее название «новый регионализм». Новый регионализм как самостоятельная теория, объясняющая современные процессы регионализации, возникает на рубеже 1980–1990-х гг., когда происходит ряд серьезных изменений в мировой политике и экономике. Распад СССР, окончание холодной войны, появление транснациональных корпораций, глобального финансового рынка и т. д. приводят к существенным изменениям характера и логики современных процессов регионализации. Большинство исследователей также связывают «новый регионализм» с последствиями воздействия глобализации и информационных технологий на всю систему мирового хозяйства. В 1950–1960 гг. «старый регионализм» рассматривал интеграцию исходя того, что государство является основной движущей единицей этого процесса. Соответственно регионализация в этой концепции рассматривалась в качестве инструмента для решения вопросов и задач, лежащих преимущественно перед государством внутри отдельного интеграционного объединения. Однако рубеж XX и XXI вв. вывел внешние (глобальные) факторы на один уровень с внутренними. Так, по мнению исследователей проблем «нового регионализма» Бьорна Хеттне и Фредрика Содербаума, внешние факторы глобальной трансформации международной среды стали оказывать на процесс регионализации столь же сильное влияние, как и внутренние процессы, происходящие в существующих или формирующихся региональных объединениях [11, р. 21–23; 12, р. 481–482]. Действительно, глобальная конкуренция, стремительное распространение технологий, перенос производственных мощностей за пределы национальных границ, борьба за новые рынки сбыта поставили страны перед целым рядом острых вызовов, которые требовали ответа. В большинстве случаев результатом становилось создание региональных экономических объединений, создающих для их участников привилегированные условия в области товарного обмена, таможенного и валютного регулирования. Согласно теории нового регионализма, глобализационные процессы современности дали толчок к формированию гибких и различных по своим задачам и возможностям региональным объединениям, в отличие

от тех институциональных форматов, которые были распространены в ХХ в. Кроме того, сторонники «нового регионализма» утверждают, что механизмы региональных процессов в странах Запада и Глобального Юга могут иметь собственную специфику, динамику и траекторию, обладать своими уникальными чертами и закономерностями.

Действительно, по данным Всемирной торговой организации, современная экономика насчитывает около 377 региональных зон свободной торговли и таможенных союзов, и количества их продолжает расти. Это в несколько раз превосходит число аналогичных соглашений, имевших место в 1960-е гг. Стремительно быстро выходят на мировые рынки развивающиеся страны. В настоящее время на их долю приходится до 40% всей мировой торговли. Около 60% всей мировой торговли сегодня идет в рамках зон экономических преференций. В этих условиях механизмы регионализации приобретают совершенно новое содержание, нежели это было в середине прошлого века.

Можно констатировать, что стремительный рост количества региональных организаций в значительной степени связан с тем, что в условиях глобализации в распоряжении национальных государств становится значительно меньше инструментов регулирования и влияния на все менее управляемую международную среду. Все это происходит на фоне возрастающей межотраслевой конкуренции и борьбы за ограниченные ресурсы. Это и способствует процессу регионализации, когда государства стремятся сформулировать и упорядочить формы взаимодействия с глобальной экономикой и политической средой посредством объединения в региональные союзы.

Представленный выше обзор различных теорий, объясняющих содержание и логику процессов регионализации, является далеко не исчерпывающим. Значительный вклад в исследование этого феномена внесла либеральная, неолиберальная и неореалистская школы политических исследований, представляющая межправительственный подход к форматированию региональных связей во второй половине ХХ в. Целый ряд значимых исследований проведены учеными, представляющими школы конструктивизма, неоинституционализма и ряда других направлений политологии, социологии и экономики.

Однако вне зависимости от различных теоретических подходов, глобализация и регионализация, безусловно, являются наиболее значимыми движущими силами, которые во многом определяют характер взаимодействия между странами и регионами мира, а также политическую повестку дня в международных отношениях. Современные реалии сделали взаимосвязь между этими процессами весьма неоднозначной. Можно гово-

рить о формировании трех основных подходов в определении взаимосвязи этих процессов.

В первом случае глобализация и регионализация противопоставляются друг другу в качестве разнонаправленных процессов, когда региональные объединения рассматриваются как попытка избежать негативного влияния глобализации на различные аспекты развития отдельных государств и стремление максимально использовать свои конкурентные преимущества в международном экономическом и политическом пространстве. Другими словами, процессы регионализации – это не что иное, как попытка национальных государств и региональных объединений адекватно ответить на вызовы, которые заложены в логике глобализации. Такая трактовка регионализации во многом восходит к наиболее распространенному в последние годы суждению о стремлении региональных игроков обособить себя от разного рода нежелательных последствий и кризисных явлений в мировой политике, экономике, культуре. Иными словами, региональные объединения руководствуются соображениями обеспечения собственной экономической и/или политической безопасности.

Другой подход к соотношению процессов глобализации и регионализации рассматривает их как дополняющие друг друга или «накладывающиеся» друг на друга, когда стремление к региональной интеграции является логически вытекающим из усиливающихся тенденций глобализации, начавшейся во второй половине ХХ в. Американский исследователь Дж. Миттельман [13, р. 189–213] и целый ряд других исследователей, таких как Б. Хеттне, Б. Рассет, предлагают рассматривать конфликт между глобализацией и регионализацией скорее как теоретический, нежели реальный. По их мнению, последняя является неотъемлемой частью глобализации. Процесс регионализации в этом смысле стал развитием усиливающегося процесса экономической децентрализации, миграции, социальных изменений и прочих явлений современного экономического и социального развития. Как считает американский политолог Майкл Китинг, регионы в новых условиях глобализации постепенно превращаются в целевые системы производства, а не просто в зону экономической активности [14]. Следуя этой логике, можно ожидать того, что и конкуренция, и сотрудничество между различными региональными объединениями – ЕС, АСЕАН, НАФТА, МЕРКОСУР, ЕАЭС и др. – в условиях глобализации будет усиливаться и в то же время стимулировать дальнейшую динамику регионализации во всем мире. Региональные объединения будут совершенствовать инструменты взаимодействия, надгосударственные экономические и политические институты, чтобы одержать верх в конкурентных условиях глобализации. Соответственно, вперед будут

вырываться те, кто наиболее успешно приспособился к условиям глобализации. Таким образом, глобализация будет стимулировать и одновременно корректировать процесс регионализации.

Третий подход предлагает рассматривать региональные процессы как явления, обладающие определенной долей автономии от глобализации, имеющие собственную логику развития и движущие силы. В частности, географические, цивилизационные, культурно-религиозные особенности и закономерности в отдельных регионах мира позволяют рассматривать их в качестве довольно независимых элементов современной международной среды, которые способны сами оказывать воздействие на окружающее их пространство [2, с. 33–34]. Однако даже здесь предполагается скорее теоретическое обоснование, возможное лишь для более подробного изучения процесса регионализации применительно к конкретным региональным союзам и объединениям, без серьезных попыток изолировать их от общего процесса глобализации, в рамках которого они протекают.

Таким образом, становится очевидно, что тесная взаимосвязь между глобализацией и регионализацией является естественным результатом развития современного мира и будет сохраняться в дальнейшем. При этом, являясь непрерывными процессами, и глобализация, и регионализация современного мира будут эволюционировать вместе с его политической, экономической и социальной средой.

Эволюция современных международных отношений во многом подталкивает нас к переосмыслению прогнозов относительно поступательного развития и углубления как процессов глобализации, так и регионализации. Преобладают две тенденции: центробежная, которая набирает силу в условиях разрастания конфликта, и центростремительная, которая опирается на установленные международные институциональные структуры. От того, какая из этих тенденций будет носить более фундаментальный характер, и зависит будущее интеграционных процессов в различных регионах.

В настоящее время складывается ситуация расширяющейся конфликтной среды в системе международных отношений. Помимо обсуждения масштабных региональных конфликтов и противоречий (Украина, Ближний и Средний Восток, Южный Кавказ, Тайвань, Центральная Африка) все чаще говорят о разделительных линиях между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Наш аргумент состоит в том, что там, где конфликтный потенциал будет доминировать, вероятнее всего интеграционный импульс будет уступать изоляционизму и ослаблению горизонтальных связей в различных областях, где еще вчера наблюдался прогресс. И наоборот, там, где институты, формальные и неформальные межгосударственные связи имеют более

выраженное влияние на экономические и политические процессы взаимодействия стран региона, интеграционные процессы будут углубляться.

Общие угрозы безопасности, как правило, могут способствовать процессам регионализации, как это происходило со странами ядра АСЕАН или странами Персидского залива. В Юго-Восточной Азии нежелание стать объектом соперничества двух сверхдержав – СССР и США, – видя к каким разрушительным последствиям это противостояние может привести на примере Кореи и Вьетнама, страны АСЕАН воспринимали коммунизм, исходящий прежде всего от Китая, как общую угрозу. В случае с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) Ирак виделся как общая потенциальная угроза, подталкивающая страны к созданию регионального объединения, включающего и военную составляющую.

Однако в случае, если члены регионального объединения воспринимают внешние военно-политические угрозы по-разному, это, как правило, ведет к расколу и дезинтеграции. В качестве примера можно привести упомянутый ССАГПЗ, когда в 2014 г. возникли трения внутри объединения по вопросу о взаимодействии и сотрудничестве с организацией «Братья-мусульмане». Еще одним примером может стать и ЕС после кризиса 2008 г., и особенно в условиях миграционного кризиса 2015 г. Страны-участницы Европейского союза имели серьезные трения, так как по-разному видели способы и пути преодоления его последствий. Выход Британии из ЕС не в последнюю очередь был связан с этими процессами.

Прямая аналогия может быть проведена и в отношении процессов на евразийском пространстве. В частности, страны ЕАЭС и ШОС по-разному воспринимают угрозы, исходящие со стороны таких игроков, как ЕС, США и НАТО. По мере нарастания различий во внешнеполитических взглядах и, возможно, внешнеэкономических приоритетах, интеграционные тенденции могут смениться на центробежные.

Тем не менее в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что меняющаяся международная повестка, а также турбулентность, которую переживает современная система международных отношений, заставляет по-новому взглянуть на существующие теории регионализации. Не исключено, что следует задаться вопросом, насколько они полноценно объясняют интеграционные процессы в новых условиях трансформации основ миропорядка.

Список литературы

1. Nye J. S. International Regionalism. Readings. Boston : Little, Brown & Co., 1968. 432 p.
2. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов

- и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58.
3. *Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 592 p.
  4. Глухарев Л. Политические компоненты развития Евросоюза // Современная Европа. 2003. № 3. С. 23–34.
  5. *Mitrany D.* The Functional Approach to World Organization // International Affairs. 1948. Vol. 24, iss. 3. P. 350–363.
  6. *Haas E. B.* International Integration: The European and Universal Process // International Organization. 1961. Vol. 15, № 3. P. 366–392.
  7. *Hooghe L., Marks G.* Grand Theories of European Integration in the Twenty-First Century // Journal of European Public Policy. 2019. Vol. 26 (8). P. 1113–1133.
  8. *Kaplan M.* System and Process in International Politics. New York : John Wiley and Sons, 1957. 283 p.
  9. Цыганков П. А. Мортон Каплан и системное исследование международной политики // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 25–40.
  10. *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. Cambridge : M.I.T. Press, 1966. 358 p.
  11. *Björn H. András Inotai, Osvaldo Sunkel eds.* Globalism and the New Regionalism : in 2 vols. London : Palgrave, Macmillan Press, 1999. Vol. 1. 437 p.
  12. *Söderbaum F.* Comparative Regional Integration and Regionalism // The SAGE Book of Comparative Politics / ed. by Todd Landman, Neil Robinson. London : SAGE Publications, 2009. P. 477–496.
  13. *Mittelman J.* Rethinking the “New Regionalism” in the Context of Globalization // Global Governance. 1996. Vol. 2, № 2. P. 25–53.
  14. *Keating M.* The New Regionalism in Western Europe. Territorial restructuring and Political Change. Aldershot : Edward Elgar Publishing, 1998. 242 p.

Поступила в редакцию 18.11.2024; одобрена после рецензирования 21.11.2024;
принята к публикации 20.01.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 18.11.2024; approved after reviewing 21.11.2024;
accepted for publication 20.01.2025; published 30.06.2025